

ГЕРЦЕН И СТАРООБРЯДЦЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА К А. В. НИКИТИНУ

Публикация Л. Ф. Ч а щ и н о й

Публикуя в т. 62 «Литературного наследства» письма В. И. Кельсиева к Герцену и Огареву, П. Г. Рынзюнский отметил, что до нас не дошли письма Кельсиева, посланные в Лондон в конце 1862 и в первой половине 1863 г., а также ответные письма Герцена и Огарева. Публикатор справедливо предположил, что это были письма, наиболее ценные для изучения деятельности революционной эмиграции. Новые материалы, публикуемые ниже, дают возможность в некоторой мере восполнить этот пробел.

25 июля 1864 г. * в Тульче было учреждено русское императорское консульство. Это было предпринято главным образом для пресечения «крамольных» действий в этом районе не только польской эмиграции (как считалось ранее), но и русских революционных деятелей, а также местного старообрядческого и сектантского населения. Об этом свидетельствует сохранившийся проект инструкции, подготовленный Министерством иностранных дел для А. Н. Кудрявцева, назначенного на должность вице-консула в Тульче. Необходимость создания русского консульства объяснялась в этом документе сосредоточением в Добрудже «революционного элемента» в лице польских эмигрантов и русских революционеров, пытавшихся, как отмечается в инструкции, возбудить ненависть добруджанских старообрядцев к царскому правительству и с помощью связей между русскими и заграничными старообрядцами поднять их на восстание. В инструкции отмечалось также, что лондонские революционеры не раз пытались распространять свои воззвания к различным сословиям среди добруджанских старообрядцев и пересылать через их посредство в глубину России. Меры, указанные в инструкции, были направлены на «противодействие учению революционеров» среди старообрядческого населения (см.: *АВПР*, ф. СПб. Гл. арх. IV-A2, 1864—1868 гг., ед. хр. 10, л. 1—2). Кудрявцев писал в своем донесении от 20 июня 1865 г.: «Со времени учреждения здесь вице-консульства сие последнее преследует мысль вытеснения из Добруджи революционного элемента, в особенности же религиозной пропаганды между раскольниками, кои подстрекаются Герценом, Огаревым и Кельсиевым к заявлению открытым путем гласности перед императорским правительством о даровании России свободы веры и об отделении старообрядческой иерархии от иерархии господствующей церкви» (V-A2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 14).

В 1862—1865 гг. В. И. Кельсiev (в 1863 г. вместе с братом Иваном) занимался активной революционной пропагандой среди старообрядцев. Она включала в себя прежде всего проповедь социального переустройства общества, распространение революционных изданий Вольной русской типографии, устную агитацию, просветительскую работу среди юношества. Кельсievы намеревались также создать в Добрудже при помощи старообрядцев типографию для печатания агитационной литературы, которая помогала бы «производить волнение в массах» и связала бы старообрядцев с обществом «Земля и воля».

Это входило органичным звеном в общую революционную деятельность Лондонского центра. Не только Огарев (что давно уже известно), но и Герцен оказывал значительное влияние на революционную деятельность братьев Кельсievых среди старообрядческого населения. Именно это не раз подчеркивает в своих донесениях русский консул в Тульче, сыгравший немалую роль в ликвидации там революционного «агентства». Об этом говорят и факты, сообщавшиеся им в Министерство иностранных дел с места событий.

18 декабря 1865 г. Кудрявцев писал в министерство и русскому посланнику в Константинополе Н. П. Игнатьеву, что его тайным агентом после отъезда В. И. Кельсиева из Тульчи было обнаружено *двадцать одно письмо Герцена и Огарева к Кельсievу*. Эти письма, по словам Кудрявцева, были наполнены инструкциями касательно его деятельности в Константинополе и

* Все даты приводятся по старому стилю.— *Ред.*

Тулече (там же, V-A2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 37—38 об.). Кудрявцев сообщал также, что эти письма Герцена и Огарева отосланы им в Константинополь Игнатьеву для отправления в министерство. Однако до сих пор разыскать их не удалось.

Как известно, в Константинополь В. И. Кельсиев прибыл в октябре 1862 г. и жил здесь до декабря 1863 г. В начале декабря он вслед за своим братом Иваном переехал в Тульчу. Письма Герцена и Огарева, судя по донесению Кудрявцева, относились и к константинопольскому, и к тульчинскому периодам жизни братьев Кельсиевых.

Из переписки М. А. Бакунина с польским эмигрантом И. Косиловским мы узнаем, что уже в октябре 1862 г. (время прибытия В. И. Кельсиева в Константинополь), т. е., по-видимому, еще до получения от него известий, Герцен писал ему в Константинополь. Судя по сообщениям Бакунина, лондонские эмигранты с октября 1862 г. по январь 1863 г. не раз посылали Кельсиеву через Косиловского письма и пакеты с прокламациями и «Колоколом» для распространения в пограничных районах и внутри России. Посылки отправлялись аккуратно в каждый понедельник и четверг, а письма — почти каждую неделю, но, как видно из последующей переписки с В. И. Кельсиевым, не все из них доходили по назначению («Летописи марксизма», 1928, № 5, с. 59—60).

Кудрявцев утверждал (мы это отмечали выше), что почти все письма Герцена и Огарева к В. И. Кельсиеву содержали инструкции глав «русской заграничной революционной партии». Конечно, нельзя до конца полагаться на свидетельства Кудрявцева относительно этих «инструкций», которые подчеркивают руководящую роль Лондонского центра в деятельности братьев Кельсиевых на территории Европейской Турции. Однако самый факт существования столь обширной переписки в известной мере подтверждает активный интерес Герцена и Огарева к революционно-пропагандистской деятельности Кельсиевых в этом районе Османской империи, и прежде всего среди старообрядческого населения. То же можно сказать и о некоторых конкретных указаниях, данных «лондонскими демократами» В. И. Кельсиеву, на чем останавливается в своем донесении Кудрявцев, сообщая, что в одном из писем содержатся возражения Огарева на намерения Кельсиева сделаться монахом или поступить в число поклонников одной из сект. «Равно советовалось сему эмигранту, — пишет Кудрявцев, — ехать в Яссы в Мануиловский монастырь и проч.». «Из писем видно, — писал здесь же консул, — что планы были громадны, что действия пропаганды могли разлиться по широкому полю» (АВПР, ф. СПб. Гл. арх. V-A2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 38 об.—39).

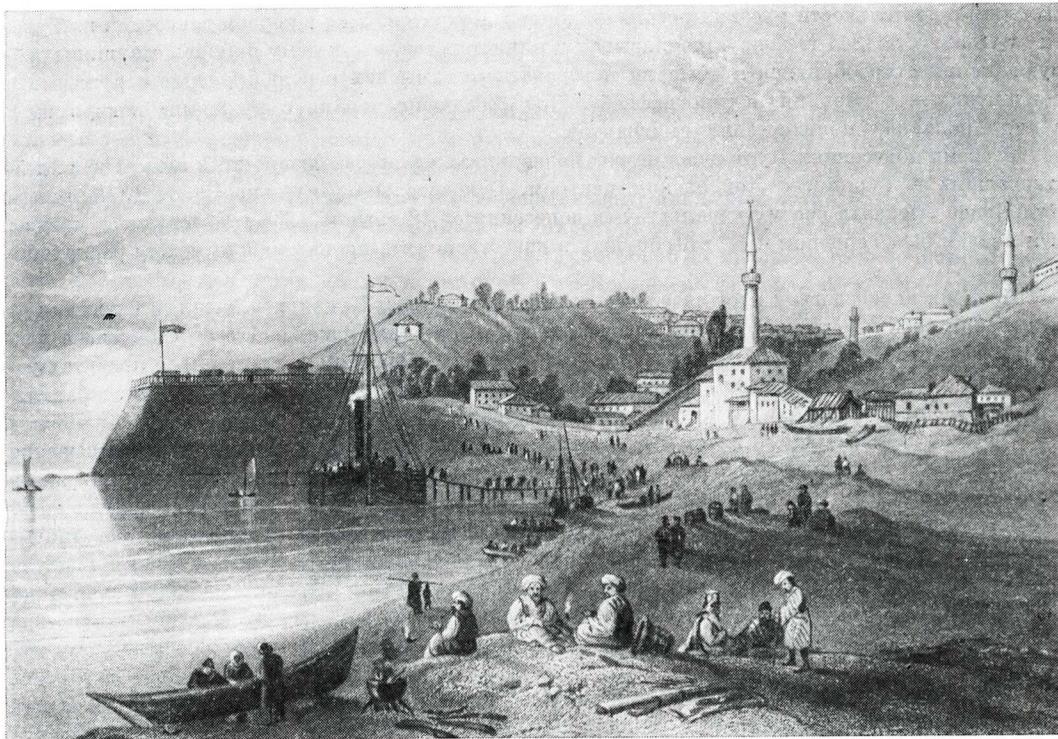
На указании Огарева В. И. Кельсиеву относительно поездки в Яссы следует остановиться особо. Оно связано с устройством в Добрудже типографии. Во второй половине 1863 и в 1864 г. братья Кельсиевы прилагали немало усилий, чтобы создать здесь типографию для печатания как старообрядческой, так и не связанной со старообрядчеством агитационной литературы. С этой целью и, как следует из донесения Кудрявцева, по совету Лондонского центра, В. И. Кельсиев и М. С. Васильев в сентябре 1864 г. выезжали в Яссы. Целью этой поездки, по словам Кудрявцева, должна была стать закупка типографских принадлежностей.

С яскими старообрядцами «лондонские демократы» завязали переписку еще в 1862 г. Целью этого сближения было получение сведений о притеснительной политике, проводившейся царским правительством по отношению к старообрядцам. Контакты поддерживались главным образом через яского купца-старообрядца В. В. Фомина. В дальнейшем контакты эти углубились. Фомин принимал участие в распространении лондонской нелегальной литературы. В декабре 1865 г. им были переправлены в Россию экземпляры «Колокола», «Общего веча» и др. издания (см.: Н. И. Субботин. Раскол как орудие враждебных России партий. М., 1866, с. 154—156).

Об участии Герцена в пропагандистской кампании среди старообрядческого и сектантского населения Добруджи свидетельствует публикуемое ниже письмо от 29 июня 1863 г., подписанное Герценом и Огаревым, к купцу из Тульчи и руководителю местной секты молокан А. В. Никитину.

Из донесения Кудрявцева от 18 декабря 1865 г. мы узнаем, что купцу Никитину через французское агентство «присылались неоднократно от Герцена пакеты с прокламациями» (АВПР, ф. СПб. Гл. арх. V-A2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 41—41 об.). При этом Кудрявцев указывал, что, по сведениям, собранным его тайными агентами, и по свидетельству самого Никитина, последний не согласился на предложение Герцена и Огарева и в дальнейшем присылаемые на его имя прокламации не принимал. Насколько это соответствовало фактическому положению дел, установить нам не удалось.

На основании письма И. И. Кельсиева к Герцену и Огареву из Тульчи, датированного нояб-

В ДОБРУДЖЕ

Гравюра по рисунку У. Бартлета. 1840-е гг.

Из книги: W. Beattie. Danube illustré, Paris, s. a.

рем — началом декабря 1863 г. (т. е. написанному через полгода после публикуемого письма), можно предположить, что лондонские эмигранты просили его сообщить им сведения о Никитине. Для чего им понадобилась эта справка, неясно. В ответном письме И. И. Кельсиев дал подробную характеристику Никитину, указывая, что «он искренно сочувствует нашему делу, особенно нашему учению о нераздельности и неотчуждаемости земли». В то же время Кельсиев предупреждал, что для них «он мало может быть полезен» и что он, Кельсиев, «почти ничего не сделал с ним». В том же письме Кельсиев, впрочем, сообщал, что Никитин рекомендовал ему одного старообрядца, который, судя по характеристике тульчинского купца, «очень интересуется нашей пропагандой» («Лит. наследство», т. 62, с. 240, 246).

Кудрявцев контролировал все действия революционных демократов, связанные с их пропагандой среди местного населения. Попытка эмигрантов устроить в Добрудже типографию вызвала следующее донесение в Министерство иностранных дел от 24 сентября 1864 г.: «Кельсиев и К^о в Тульче — все равно что Герцен и К^о в Лондоне. Императорскому правительству известно, сколько причинено зла пером и желчью Лондона. Подобному злу начинают строить фундамент в Тульче. Лондон далеко от России, Тульча близка. Зло здесь в будущем может пустить самые длинные, громадные, самые вредные корни среди невежественного и суеверного народа. Пресечь его в его возрождении, не дать пути и времени его развитию — вот задача, долженствующая в настоящем быть рассмотрена, обсуждена и решена. При учении Кельсиева и К^о, при введении в действие типографии, что же случится? Здешнее бюро, подобно лондонскому, будет с каждой почтой получать пакеты с документами, с кривыми показаниями и доносами, с описанием вымышленных притеснений, гонений. В свою очередь, оно найдет средство перевести различными путями отпечатанные листки и распространять даже словесно свое учение» (АВШР, ф. СПб. Гл. арх. V-A2, 1864 г., ед. хр. 947, л. 39—40а).

Сразу же после образования в Тульче русского вице-консульства Кудрявцев установил контакты с верхушкой местных старообрядцев. Одной из главных целей этих контактов был сбор

сведений о деятельности русских революционных демократов. Уже в первом донесении из Тульчи от 18 августа 1864 г. консул докладывал в министерство, что к нему явились старшины добруджанских старообрядцев и обещали передавать «о замыслах революционеров с ружьями и лондонских — с перьями и типографией». Под «революционерами с ружьями» консул имел в виду польских политических эмигрантов.

В своих донесениях Кудрявцев не раз подчеркивал связь революционных эмигрантов, действовавших в Турции, с Лондонским центром. Относительно деятельности В. И. Кельсиева Кудрявцев высказал своему начальству (в донесении от 18 августа 1864 г.) следующее мнение: «Он послан был Герценом и К^о в Добруджу в качестве агента-пропагандиста между раскольниками».

Подводя впоследствии итог своей деятельности в Тульче, Кудрявцев писал в донесении от 18 декабря 1865 г., что со времени образования русского вице-консульства он «доносил о русском эмигранте Кельсиеве, о проектах и сообществе его с Герценом и Огаревым, о проектах учреждения в Тульче типографии, учреждения русской колонии, установления тайного правильного сообщения сей колонии с нашей империей» (1865 г., ед. хр. 948, л. 38).

С целью дезинформации властей Кельсиев оставил у Кудрявцева при очередном посещении свой «журнал» с биографическими данными живших в Добрудже революционных эмигрантов М. С. Васильева, П. И. Краснопевцева, П. Ф. Сливовского *. В нем, как писал Кудрявцев, Кельсиев специально «представил себя и товарищей своих врагами революционной пропаганды» (там же, л. 56—56 об.). С помощью «журнала» Кельсиев пытался убедить русского консула в том, что задача приехавших сюда революционных эмигрантов «состоит исключительно в добыче себе средств существования, во взаимном застраховании на случай болезни или потери работы и во взаимной помощи к дальнейшему умственному и нравственному развитию» (там же, л. 62).

Однако, несмотря на составление эмигрантами формального акта, в котором они отрекались от всяких политических действий и уверяли русского консула, что они отошли от политической борьбы, Кудрявцев высказал перед правительством опасения по поводу создающейся в Тульче гимназии. В очередном донесении от 25 ноября 1864 г., он писал, что «типография и гимназия равно не могут быть терпимы императорским правительством». По мнению Кудрявцева, программа обучения, которую предлагали использовать тульчинские эмигранты в своей преподавательской деятельности, составлена была Герценом и Огаревым. Перед местными властями Кудрявцев высказал мнение, что учреждение здесь гимназии такими лицами, как Кельсиев и его сообщники, было бы вредно для здешнего юношества. Профессора, заявляя он, проповедующие с кафедры свободу, независимость, необузданную волю и полное равенство, приготовят учеников к неповиновению закону и порядку и разовьют у них революционные начала, которые всегда имеют последствием открытый мятеж и возмущение (там же, л. 47—49 об.). Русскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву Кудрявцев писал о необходимости добиться у Порты Кельсиеву и прочим агитаторам открыть в Тульче гимназию» (там же, л. 50). В свою очередь, министерство в ответ на донесения Кудрявцева предписывало Игнатьеву принять меры, препятствующие учреждению гимназии (там же, л. 47).

В результате гимназия так и не была создана. Нищета и эпидемия тифа, как видно, были не главными причинами неудачи. Деятельность в Тульче русского консула, добившегося распоряжения местных турецких властей о «недозволении образования гимназии», сделала эту идею неосуществимой. В донесении от 21 декабря 1864 г. Кудрявцев сообщал: «Проект учреждения здешними эмигрантами гимназии и самая артель уже более не существуют. Безденежность, с одной стороны, и недозволение губернатора — с другой, воспрепятствовали осуществлению проекта гимназии» (там же, л. 63).

В дальнейшем русская и местная администрация продолжали препятствовать деятельности в Добрудже революционных эмигрантов, лишая их всякой возможности что-нибудь заработать, не говоря уже о занятии общественной деятельностью. В апреле 1865 г. Кельсиев покидает Тульчу. «Из донесений моих видно, — сообщал Кудрявцев в министерство 25 июля 1865 г., — какую долю принимало вверенное управлению моему вице-консульство в разрушении всех действий, планов и предположений Василия Кельсиева. Обессиленный борьбой, побежденный,

* «Журнал» В. И. Кельсиева пока не обнаружен исследователями. В донесении Кудрявцева от 17 декабря 1864 г. имеются подробные выписки, сделанные его рукой (АВЛР, ф. СПб. Гл. арх. V-A2, 1864 г., ед. хр. 947, л. 57—62 об.).

ненавидимый всеми без исключения, он оставил Тульчу 27 апреля 1865 г. и поехал вместе с семейством своим в Галац, а оттуда, как кажется, в Прагу или в другую часть Европы» (там же, 1865 г., ед. хр. 948, л. 23).

Спад революционного движения, репрессивные меры русского и турецкого правительств в значительной степени определили неуспех пропагандистской деятельности революционных демократов среди старообрядческого населения Европейской Турции. Не могла иметь успеха и попытка Лондонского центра привлечь к освободительному движению старообрядческие массы.

Революционные демократы выделяли среди старообрядцев прежде всего крестьян, считая их наиболее активной частью русского населения, способной поддержать революционное движение. Старообрядцев пограничных территорий Юго-Восточной Европы, имевших тесные контакты с единоверцами в России, зарубежный центр русских революционных демократов пытался использовать для пропаганды среди русского населения идей вооруженного военно-крестьянского восстания, а также для транспортировки и распространения нелегальной литературы. Однако к середине XIX в. старообрядческое движение постепенно утрачивает характер социального протеста. В прилегающих же к границе зарубежных территориях — австрийской Буковине, Дунайских княжествах, Османской империи — старообрядцы были наделены более значительными привилегиями. Поэтому их классовое сопротивление было еще слабее, чем в России, и усиливалось лишь тогда, когда возникала угроза утраты этих политических и экономических привилегий. В этом случае зарубежные старообрядцы оказывали сопротивление не только административным мерам своих правительств, но и буржуазно-демократическим преобразованиям (революции 1848 г. в Австрии) или даже революционным мероприятиям, если они лишали их прежних льгот и привилегий и не приносили им никаких выгод. К тому же зарубежные старообрядцы-крестьяне не испытывали на себе тяжести крепостничества, как крестьянское население России. Религиозный фанатизм также притуплял их социальное самосознание.

Далее приводится текст письма Герцена и Огарева к А. В. Никитину:

⟨Лондон.⟩ 29 июня 1863 г.

Милостивый государь Алексей Васильевич,

по совету Осипа Семеновича¹ обращаюсь к вам с предложением о книжной торговле лондонскими изданиями. Если вы имеете в России людей, способных вести торговлю эту, дайте, тем будет лучше, ибо тем больше будет сбыту.

Условия же наши таковы:

1. С книг, изданных Трюбнером, уступки против означенной на книгах цены 33 процента.

2. С книг, изданных собственно нами, уступки 40 %.

3. С «Колокола» и «Общего веча» уступки 45 %.

4. Провоз на ваш счет.

5. Деньги за книги и «Колокол» вы нам будете высылать сроками от получения через три месяца, если возможно, и не далее как через шесть месяцев.

6. Роспись книгам при сем прилагаю, и какие книги и по сколько экземпляров вам будет угодно — мы немедленно по вашему требованию и вышлем. Если вы эту торговлю, для общего дела полезную, найдете для себя выгодной, благоволите дать знать, с какими пароходами высылать требуемые книги, чтобы и провоз был дешев и верен. Будем ожидать вашего ответа.

Надеясь на ваше дружеское расположение с истинным почтением честь имеем быть

А. Герцен
Н. Огарев *

Адрес: London, S. Thorzewskj, esq⟨uire⟩, Mansfield Shore, Soho.

Для передачи А. Герцену²

АВНР, ф. СПб. Гл. арх. V-A2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 948, л. 40—4С об.

* Обе подписи сделаны рукой Герцена. — *Ред.*

¹ О. С. Гончаров, о котором см. подробно в «Лит. наследстве», т. 62, с. 70—78.

² 25 июля 1865 г. Кудрявцев сообщал в Министерство иностранных дел: «Агент тульчинской конторы „Messagerie impériale“ принес мне на днях для прочтения письмо, полученное им из Женевы от Огарева с приложенным к нему письмом на имя Василия Кельсиева».

Далее Кудрявцев приводит скопированный им текст записки Огарева, адресованной агенту Messagerie impériale (Императорской конторы дилижансов), и текст его письма к В. И. Кельсиеву и его жене от 3 июля 1865 г. с припиской Герцена (XXVIII, 87). Вот текст записки Огарева, до сих пор оставшейся неизвестной (АВПР, ф. СПб. Гл. арх. V-A2, Тульча, 1865 г., ед. хр. 848, л. 18—18 об.):

Genève. Route de Chêne
Château Boissière, le 3 juillet <1865>

Monsieur,

De grâce, remettez cette lettre à m-r ou m-me Kelsieff ou bien s'il lui est arrivé quelque chose, informez-moi à l'adresse ci-dessus mentionnée. Vous me rendrez un bien grand service. Agréé la haute estime de votre tout dévoué

N. O g a r e f f

П е р е в о д:

Женева. Route de Chêne.
Замок Буасьер, 3 июля <1865 г.>

Милостивый государь,

Пожалуйста, передайте это письмо г-ну или г-же Кельсиевой или же, если с ним что-нибудь случилось, сообщите мне об этом по вышеназванному адресу. Вы мне окажете очень большую услугу. Примите выражение высочайшего почтения от всецело преданного вам

Н. О г а р е в а *